

Мате ЗАЛКА — генерал Лукач. Испания. 1937 г.

23 апреля исполняется 80 лет со дня рождения известного венгерского писателя, героя гражданской войны в СССР, легендарного командира 12-й Интернациональной бригады в период национально-революционной войны в Испании. Писательский путь Мате Залки был прямым и последовательным: все его творчество пронизывала идея служения народу. Его жизнь — яркий образец неразрывной связи революционной идеи и революционной практики.

ОЧЕНЬ дорогого моей памяти Мате Михайловича Залку я близко знал почти все те долгие годы, что жил он в Москве.

Познакомился мне с ним довелось в 1927 году в редакции «Молодого ленинца».

В Театре Революции, где директором Залка, Международное объединение революционных писателей (МОРП) проводит литературный вечер советских и иностранных поэтов, живущих в Москве. МОРП проводит вечер совместно с РАППом. Ответственным уполномоченным выделяют меня, в то время заведующего бюро писательских выступлений.

Приглашения направляются с курьером. К наиболее видным товарищам, которых устроили вечера хотя бы видеть в президиуме, — Луначарскому, старому большевику Ольминскому, — с письмом секретаря МОРПа Бела Иллеша отправляюсь я.

Среди этих видных — и Сэн Катаяма, руководитель Коммунистической партии Японии, член президиума Коминтерна. Сэн Катаяма живет на улице Горького, в коминтерновском общежитии, где сейчас Центральная гостиница. Высокий, полный, с очень высоким лбом и мудрыми глазами. Он говорит по-русски несколько ломаным языком. Узнав, что вечер в Театре Революции, спрашивает:

— Залка будет?

— Да.

Он пишет записку, произнося слова вслух:

— Вот и представляется случай познакомиться с писателем-интернационалистом, которого уважаю и как человека. Давно собирался высказать

завет только для него одного. Невозможно было представить, что столько внимания и ласки можно отдавать многим.

Как-то заболел молодой литератор, написавший повесть на военную тему. О его болезни узнал Залка. Казалось, должен ли сам руководитель писательской организации ходить куда-то и требовать, добиваться санаторной путевки для рядового литератора? Когда же в апреле нужную путевку в Литфонде предложили только на июль, Залка взволновался:

— Ведь он же не дотянет до лета, если мы сейчас, именно сейчас не пошлем его лечиться. Туберкулез, к сожалению, не зависит от Литфонда.

Тут же он написал письмо наркому здравоохранения М. Ф. Владимировскому (тогда курортная сеть подчинялась этому наркомату). И послал с ним меня, предвительно извинившись по телефону, что не может явиться лично: в этот день группу писателей принимал нарком обороны К. Е. Ворошилов.

— Скажите Михаилу Федоровичу, что я не велел вам возвращаться без путевки. Она нужна не мне и не желаю-шему просто отдохнуть, приятно подышать морским воздухом, а тому, кого может спасти. Слышите, спа-сти. Без путевки не возвращайтесь.

Владимирский отдал необходимое распоряжение, а мне сказал:

— Залка — человек красивый. Работать с таким — радость.

Я передал Мате Михайловичу, с каким глубоким уважением отзывался о нем старейший большевик, председатель Ревизионной комиссии ЦК партии.

гу. Сзади — лавина конного строя. Оставить комзвода на земле — растопчут. И Залка крепкими руками подхватывает раненого, усаживает в седло впереди себя, придерживая левой рукой, а правой, обнажив клинок, зовет за собой бойцов. Уже после сражения привез он командира взвода в походный лазарет. Прощаясь, сказал:

— Подлечивайся, учитель, а потом — снова к ребятам. Гражданская кончится. С детворой заниматься, скажу тебе, веселей, чем рубить беляков. А памятью о тебе послужит твой гневой. Как звать? Дружок? Что ж, хорошее напоминание о боевом побратиме.

Об отношении Залки к писательскому труду говорит такой факт. Летом 1931 года, находясь на Украине в лагерях Перекопской дивизии, Залка написал подвальный очерк «Военная тайна» и направил в «Правду». А немного погодя отправил подробнейшую телеграмму с просьбой изменить несколько строк, текст которых в телеграмме указывался. Новая редакция описываемого эпизода усиливала его, но эпизод не был центральным. Что ж, кое-кому не грешно поучиться у Мате Михайловича такой строгой взыскательности к самому себе.

Кстати, об этом очерке. «Военная тайна» рассказывает о неожиданном приказе, полученном штабом дивизии ночью. Поднятые по тревоге полки совершили ночной марш в близлежащий район, чтобы... с утра помочь колхозу в уборке хлебов. Залка прекрасно уяснил сущность и природу Советской Армии, миролюбивого нашего народа: в этом очерке долг красноармейца прекрасен показан.

А вот это в каком году было — не помнится. Но твердо знаю: в августе.

В дом отдыха Литфонда в Коктебеле приехал с Украины, где он обычно проводил лето, Мате Михайлович на два дня. Надо было ему увидеться с кем-то из писателей, находившихся в Коктебеле.

Мы условились с ним пойти вместе рано утром купаться. Зашли далеко, как казалось, на совершенно пустой пляж, но вскоре заметили: кто-то пришел раньше нас. За большим камнем лежал сверток в газете. Когда же разделись, увидели в море, далеко от берега, какую-то точку. Мате Михайлович подскочил к свертку, развернул: красное платье, сандалии на детскую ногу. Он бросился в воду и, сильно загребая, поплыл.

Вот уже две точки рядом, а потом они стали медленно приближаться. Когда же приблизились настолько, что стали различимы, я увидел: Залка плывет, одной рукой подерживая девочку.

• Ей было девять лет. Заплывала далеко, не было сил вернуться.

И хотя девочка была вне опасности, а время завтрака нашего истекло и селение было не близко, Мате Михайлович отвел девочку к матери и наказал, чтоб впредь никогда не пускала ее одну к морю.

Сквозь десятилетия пронес я в памяти девочку имя — Муршеде. А на второе лето, перед отъездом на отдых в Белики на Полтавщине, Мате Михайлович прихватил меня, как он сказал, «для консультации» в Центральный мосторк, купил большую куклу и велел мне послать ее в Коктебель в августе, «к годовщине». В приложенном письме он писал, что куклу зовут Муршук и ей вредно далеко заплывать от берега.

— Муршеде,—поправил я,— ведь у куклы имя самой девочки?

Он снисходительно усмехнулся:

— Звонил в Казань Кави Наджми? уменьшительное от Муршеде — Муршук.

Красивой жизни был человек.

Олег МОИСЕЕВ,
лауреат литературной премии имени Мате Залки

Видный татарский писатель.

страницы воспоминаний

КРАСИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

К 80-летию со дня рождения Мате Залки

Залка — в шубе. Еще не растаяли снежинки на меховом воротнике, на бобровой шапке с бархатным верхом цвета вороньего крыла. Мате Михайлович принес свою повесть «Храбрый портняжка». В то время на страницах этой московской губернской комсомольской газеты печатались мои рассказы, но я и по «литературному» положению, и по возрасту был молодым, начинающим, а он...

И я задал тогда вопрос Залке: почему до выхода отдельным изданием не дает он повесть в журнал или более солидную газету? Ведь как-никак автор уже не одной книги.

— Прежде всего, — сказал он, — каждая советская газета солидна, даже многотиражная, хотя гонорар там не платится. Во-вторых, плохо, если автор нескольких романов считает уже неприличным заходить в небольшую редакцию, а в-третьих, кто станет, как вы говорите, в солидном месте печатать невидного писателя-иностранца?

Шутит? Но на лице не было улыбки. Впоследствии я понял, что он всегда искренне считал себя лишь «средняком». Даже свои писательские заметки, опубликованные спустя много лет в «Литературной газете», назвал «Записки средняка».

А на самом деле Залка отличался своеобразным и зрелым талантом, который рос от книги к книге.

свое мнение о рассказах, где выводите китайских рабочих, борцов за Октябры.

И в конце дописал латинским шрифтом — «servus»¹.

Передаю не дословно, но по смыслу совершенно точно.

В тот вечер, едва ли не впервые в Москве, публично читал стихи художавый молодой человек с огненной шевелюрой и лазоревыми глазами. Потом поэт подошел к Залке, долго тряс его руку и говорил:

— Мы из разных стран, но почти одной судьбы. Какое счастье найти вторую родину!

Так познакомился Залка со студентом Коммунистического университета трудящихся Востока Назымом Хикметом.

Залка был человеком редких душевных качеств и большого обаяния. Стоило только узнать ему, что талантливая рукопись такого-то долго не может пробыть до читателя из-за косности в издательстве, а такой-то крайне нуждается в курортном лечении, но путевки не получил, или уборщицу писательского клуба, где он был председателем, незаконно хотя выселить из комнаты, он ехал в издательство, решительно беседовал в Литфонде, отправлялся к райпрокурору. Неправедливость он ненавидел.

И каждому, кого он одарял вниманием, казалось: щедрость великодушного сердца расто-

¹ Привет (венгр.).